

— Но вот лето кончилось, наступил сентябрь. Иринка пошла в школу вместе со своими подружками по дому - Светой Высоковской, Наташей Мартыненко, да и многие другие в классе были ей знакомы, ещё по садику (хотя бы). К тому же Иринка уже год отходила в музыкальную школу, расположенную в том же здании, что и общеобразовательная, так что осваиваться ей особенно не пришлось. Она быстро привыкла к новому образу жизни, учёба ей давалась легко, читать она умела, ходить в школу было недалеко - она находилась через четыре дома от нашего, на той же стороне шоссе.

Ладушкин, 1 сентября 1972 г.

Ладушкин, 1 сентября 1972 г.

Повозвращались из отпусков сотрудники обсерватории и университета, начинались по-настоящему трудовые будни. Начались они с очередного составления очередного "Плана совместных научно-исследовательских работ по теме "ДМИ" Калининградской обсерватории ИЗМИРАН и лаборатории прикладной физики КГУ" на конец 1972-го и на 1973 год. Ближайшими по намеченным срокам исполнения пунктами плана были "Отладка программы расчёта параметров нейтральной атмосферы и скоростей фотоионизации" (ответственный исполнитель Захаров Л.П.) и "Отладка программы расчёта нулевого приближения и решения стационарной задачи" (ответственные Латышев К.С. и Суроткин В.А.).

Это означало, что основные программы для ЭВМ были уже написаны и находились в

стадии отладки, то есть их запускали в машину, а та указывала на ошибки, в первую очередь, грамматические - так, мол, нельзя писать. Эти ошибки были, в сущности, описками и опечатками, неизбежно появлявшимися при написании программы и при набивке её на перфокарты. До поиска более серьёзных ошибок, приводящих к неверным результатам, дело ещё не доходило, так как сначала программы надо было сделать хотя бы просто читаемыми для машины.

— Да, но я совсем забыл сказать, где проводилась отладка. С самого начала мы ориентировались на самую мощную из советских ЭВМ - БЭСМ-6. В Калининграде их не было, поэтому обратились к заказчикам - сначала в РТИ, потом на "Вымпел", где БЭСМ-6 имелись. В принципе, и там, и там считать было можно, но прямого доступа к ЭВМ не было. Программы сдавались в окошко и возвращались через сутки, хотя зачастую машина в доли секунды натывалась на ошибку, выплывала программу, и она валялась там без продвижения. Ошибок же таких в наших огромных (по несколько сот перфокарт, иногда больше тысячи) была прорва, и дело двигалось очень медленно. К тому же обе фирмы были секретными, и одна процедура прохода туда была очень хлопотной. Ясно было, что в Москве, в условиях командировок с такими темпами мы много не наработаем. Нужно было искать другие варианты.

— И Гострем нашёл! Уж не помню сейчас, как он вышел на Вильнюс, но факт тот, что на университетские договорные деньги он арендовал машинное время в Институте физики и математики Литовской Академии Наук. Это было уже совсем другое дело. До Вильнюса всего шесть часов езды поездом, машинное время практически неограниченно (по крайней мере, на стадии отладок было так); хотя прямого доступа к машине нет, но и процедура сдачи-выдачи программ не бюрократизирована. Не пошла программа - её (т.е. колоду перфокарт) тут же выносят и кладут в коридоре на полку стеллажа: исправляй и сдавай заново. Готовые результаты тоже не задерживают в машинном зале, а выносят и раскладывают на полках, где каждому потребителю отведено своё место.

— В общем, работа в Вильнюсе пошла. Туда регулярно стали ездить Костя, Лёня, Суроткин, Лена Блик, реже Ядя Бутович и Галя Поцтывая. Вскоре, а точнее, с начала следующего, 1973-го года зачастил туда и я, но это было уже на стадии, когда машина стала выдавать первые результаты расчетов, то есть когда в программах уже отсутствовали нарушения правил программирования, и возможные ошибки были связаны с построением алгоритма или с постановкой задачи.

— Этапными пунктами "Плана" были 7-й и 8-й: "Расчёты суточных вариаций моделируемых ионосферных параметров" (ответственный Латышев) и "Обработка и предварительный анализ результатов расчётов" (ответственный Намгаладзе), намеченные к выполнению на 15 апреля 1973 года. В мае заканчивался договор по "Квадрату", и выполнение или невыполнение этих пунктов означало, по существу, выполнение или невыполнение всей темы. Ну, а сейчас, осенью мы писали очередной отчёт по теме (том IV, 3-й отчёт по разделу моделирования), ограничиваясь обзорами, формулами, рассуждениями и всё ещё не имея результатов расчётов.

— В списке исполнителей в "Плане" фигурируют новые лица группы моделирования: Володя Суроткин и Серёжа Фомин. О молчаливом Суроткине я уже писал. Он оказался весьма ценным для нас приобретением, чересчур, быть может, замкнутым, даже угрюмоватым, не участвующим в наших "товарищеских ужинах" с водкой и преферансом в облаках дыма (часто устраиваемых в Вильнюсе) и переносящим их без особых протестов, хотя жить нам всем в Вильнюсе приходилось в одной комнате. Сам он, конечно, не пил и не курил. Работоспособность у него оказалась исключительной, и к тому же он предпочитал работать самостоятельно, самому решать все свои проблемы, пробиваясь через любые трудности математического или программного порядка. Чувствовалось, что работа с большими сложными программами ему нравится, доставляет удовольствие.

— Суроткин по возрасту уступал только Лёне Захарову и был старше нас с Костей на

три года (1940-го года рождения), но единственный из всех нас не был ещё женат в свои почти что тридцать три года.

— Серёжа Фомин, лет на пять помоложе нас с Костей, являл собой полную противоположность Суроткину по характеру: разговорчивый, суетливый, с большими претензиями на научную самостоятельность (сразу же повёл разговоры о собственной теме, о кандидатской диссертации), но не слишком способный к самостоятельной работе, хотя и окончивший Московский физтех. Чертами лица он напоминал Маяковского - очерченные скулы, волевой подбородок, горящие глаза, и сам это сходство подчёркивал, рисуя свои автопортреты. Он был женат на довольно яркой филологине Наталье и жил с ней в общежитии.

— Серёжа вначале показался нам с Костей незаурядной личностью, и мы возлагали на него определённые надежды по части работы. Однако незаурядность его проявлялась как-то чересчур уж странно - например, в неожиданных и необъяснимых им самим исчезновениях из дому на несколько дней, когда он вдруг оказывался где-нибудь в Москве, куда его никто не посылал. Возиться с его воспитанием нам с Костей было некогда, и мы вскоре махнули на него рукой, а там и сам Сережа ушёл с темы. Впоследствии выяснилось, что он страдал приступами шизофрении...

— Составлялись ещё и индивидуальные планы работы исполнителей, довольно подробные и, как я сейчас гляжу, перечитывая их, вполне реалистичные, продуманные и пригодные в качестве руководства к действию. Исполнять планы - и общие, и индивидуальные, мы старались пунктуально, особенно ближайшие этапы, в отношении которых ясности было больше. Отдалённые этапы приходилось формулировать туманнее, но со временем и они принимали конкретные очертания в соответствующих формулировках пунктов плана на очередной следующий год. Неформальное составление планов и контроль за их выполнением позволяли поддерживать темп в работе, не давали расслабляться.

— А вот "План научно-исследовательских работ Калининградской магнитно-ионосферной обсерватории ИЗМИРАН на 1973 год", подписанный Гострем и представленный на утверждение Мигулину. Это план не рабочий, а парадный - для начальства. В его составлении я не участвовал, поскольку был уже в опале и к таким ответственным бумажкам общеоbservаторского уровня более не допускался. Помогал Гострему, наверное, его новый фаворит - Юра Саенко, причёсывавший теперь корявые гостремовские формулировки.

— Из этого плана следует, что в обсерватории помимо хоздоговорных работ выполняются (или намечено выполнять) две темы, научным руководителем которых является доктор физ. - мат. наук, профессор Р.В. Гострем, а соисполнителем - Калининградский госуниверситет. Название первой темы звучит так: "Комплексное исследование ионосферы и распространения радиоволн на основе данных обсерваторских наблюдений". Название вполне в духе Гострема. Обязательно комплексное исследование и не каких-либо частных вопросов, а вообще ионосферы и распространения радиоволн, что является, собственно, задачей всего ИЗМИРАНа, да и не одного его только. (Не знаю как Мигулин подписал этот план, да и подписал ли?)

— Далее даётся расшифровка содержания темы. Она уже звучит поскромнее, но всё же: "Разработки и усовершенствования комплекса установок для обсерваторских наблюдений (буквально - наблюдательских наблюдений) и обработка данных. Автоматизация наблюдений и вывод информации на ЭВМ (а это что-то новенькое, ЭВМ-то откуда?). Исследования в комплексе условий распространения радиоволн с учётом полученных геофизических данных". (Исполнители: Круковер, Саенко, Иванов, Пахотин, Тихомиров, Шагимуратов.)

— В названии темы и в краткой её расшифровке трижды звучит слово "комплекс". А сколько оно ещё потом звучало! Полюбилось же словечко Гострему, но и не просто так - по всей стране строили комплексы, всё решали комплексно, судя по газетам, по крайней

мере, и мы не отставали. Второе ключевое слово из лексикона времён гостремовской деятельности - автоматизация. Эти слова - комплекс и автоматизация - появившись впервые в плане работ на 1973 год, кочевали далее из плана в план несколько лет и их следовало бы начертать на стяге обсерватории, чего не произошло лишь потому, что до изготовления оно не дошли руки у Гострема.

—А вот вторая тема, моя родная: "Динамическое моделирование ионосферы."

Расшифровал её Гострем так: "Экспериментальное и теоретическое моделирование невозмущённой ионосферы на ЭВМ". Что он имел в виду под экспериментальным моделированием ионосферы на ЭВМ - один бог ведает. Вряд ли это смог бы объяснить и сам Гострем, просто ему очень хотелось соединить наше теоретическое моделирование с экспериментальными исследованиями, "чтобы всё было единый комплекс, так сказать".

([продолжение следует](#))

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)